

Сакура уже подумала, что это странно, когда Назуна выбрала тропинку, но это было совсем не похоже на то место, куда ребенок пойдет чистить снег.

Что, если она дух лисы? Может, она нас обманывает?

Как только эта мысль пришла ей в голову, она не могла отделаться от ощущения, что их уводят в другое царство. И все же она не могла просто взять и бросить ребенка.

Может ли она быть связана с повстанцами?

Сакура не сводила глаз с маленькой спины Назуны, пока та тянулась к своему мечу - ее анахроничному спутнику. Ее единственный союзник.

Если это так...

Если это так, то мне придется ее прикончить.

Назуна внимательно следила за дорогой, пока они не вышли на открытое пространство на вершине.

— О! — воскликнула Хинагику.

Это было прекрасное сочетание снега, света и деревьев - природа в чистом виде. Снежинки сверкали в солнечном свете, танцуя на спуске. Деревья вокруг создавали ощущение клаустрофобии, но сквозь просвет в навесе над головой пробивались солнечные лучи. Это было спокойное убежище посреди горы. Особое место, созданное природой, место, куда может спуститься ангел.

— Сакура.

Однако Хинагику и Сакура увидели здесь нечто большее, чем просто красоту.

— Леди Хинагику...

В этом месте было заключено нечто неожиданное.

Что происходит?

Две девушки с тревогой назвали друг друга по именам и подошли ближе.

Почему она нас привела сюда?

Ребенок, который привел их сюда, лишь улыбнулся, приглашая подойти ближе.

Сакура толкнула Хинагику за спину. Ее чувства били тревогу - Хинагику нуждалась в защите. Но прежде чем она успела заговорить, Хинагику высунула голову из-за спины Сакуры и спросила:

— Назуна... что ты... делаешь... здесь?

Ее голос был слишком мягким для данной ситуации. В этом месте явно было что-то не так, и все же, вместо того чтобы критиковать, она решила сначала спросить.

Причина их страха беспечно улыбнулась в ответ.

— Разве вы не видите? Я убираю снег, — весело сказала Назуна. — Я устала, но мы уже здесь. К тому же я должна с вами познакомиться.

Назуна говорила так, словно все, что она делала, было в порядке вещей. Но для Хинагику и Сакуры ее слова показались холодными.

В обычном пейзаже были небольшие нарушения. Даже если бы они захотели, то не смогли бы не заметить, как через равные промежутки времени вздымается снег. В другом месте это не пугало бы, но здесь...

С каждым взмахом лопаты Назуна открывала солнечным лучам, пробивающимся сквозь просветы в деревьях, то, что было скрыто под ними.

— Назуна... Это...

Показался осыпавшийся камень.

— Это... кладбище.

Между Назуной, Хинагику и Сакурой существовал барьер понимания. Даже после того, как Хинагику назвала это странное место, Назуна не проявила никакого беспокойства. Казалось, она была озадачена тем, почему Хинагику говорит очевидное.

— Я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да. Я знаю.

Голос девушки раздался в тишине горы вместе с колющим звуком.

— Послушай.

Резкий хруст ее лопаты над могилой этого человека заставил их вспомнить о ноже, вонзающемся в снег. Она не стала медлить.

— Моя мама спит здесь.

Скряб. Удар.

— Поход сюда требует много сил, но... я должна сделать это ради мамы.

Скряб. Коп. Постепенно она раскапывала.

Скряб. Коп. Коп. Коп. Коп.

— Спасибо, что привезли мои санки.

Санки служили для перемещения снега, а лопата - для его уборки.

— Мне не нравится оставлять маму на холоде.

Все, что говорила Назуна, было правдой. Именно поэтому она тайно покинула свой дом и проделала весь этот путь.

— Поэтому я здесь, чтобы убрать за ней снег.

Она говорила тихо, с самой невинной улыбкой на лице, стоя перед заснеженной могилой.

Сакура открыла рот, но тут же закрыла его. Слова не шли. Жалость не была правильным ответом, но она должна была что-то сказать. Спустя некоторое время она все-таки сказала:

— Ты посещаешь ее могилу даже зимой?

— Нет. Я здесь, чтобы убрать снег. Я же сказал - она замерзла.

— Могу я спросить еще раз? Это ведь могила?

— Да, это она и есть.

Назуна ответила твердо. Она была тверда с момента их знакомства. Она была молода, но слова ее были ясны. Она была умна. И это пугало ее.

— Твоя мать похоронена здесь... но ты не пришла навестить ее могилу?

— Верно.

Назуна продолжала орудовать лопатой со всей силой своего маленького тела.

Тогда как это назвать?

Посещение могилы в Ямато обычно происходило летом, и по традиции могилу очищали от сорняков и мусора. Смысл этой фразы, вероятно, был общим для всей страны. Уборка понималась как часть посещения могилы.

Но Назуна отрицает, что она здесь именно для этого.

Что-то было не так.

Она могла бы сразу сказать, что собирается навестить могилу матери. Зачем настаивать на том, что она здесь для уборки снега?

Это было большое недоразумение.

Может быть, она не понимает, что такое смерть?

Сакура изо всех сил старалась сохранить мягкий тон и спросила:

— Эй... малыш... ты ведь понимаешь, что... твоя мама умерла?

— ...

После минутного молчания Назуна кивнула. Сакура почувствовала облегчение, но напряжение осталось. Каким-то образом она попала в тяжелую роль, словно переговорщик при крупном инциденте.

— И еще одно. Твоя мама говорит тебе, что ей холодно? Ты слышишь ее голос?

Назуна, покачивая головой, продолжала орудовать лопатой и бросила растерянный взгляд на Сакуру.

— Тогда как ты можешь сказать, что ей холодно?

Вместо ответа Назуна задала свой вопрос.

— Сакура, а твоя мама когда-нибудь накрывала тебя одеялом, когда ты дремала?

Сакура была ошеломлена. У нее никогда не было особой домашней жизни, поэтому она не могла предложить ничего из собственного опыта. Немного поколебавшись, она ответила:

— Я не уверена насчет своей матери...

Хотя она не помнила такого события, но поняла мысль, которую донесла до нее Назуна.

— Но я часто делаю это для леди Хинагику.

Одолжить пальто своей любимой госпоже ее побуждало скорее собственное желание, нежели чувство долга. Она всегда стремилась сделать все, чтобы Хинагику была счастлива.

— Я хочу быть уверена, что о ней позаботятся.

И нет никого другого, о ком бы она хотела заботиться.

Сакура почувствовала мягкую хватку на своей руке - Хинагику. Сердце заколотилось, и она сжала ее в ответ. Что бы ни происходило вокруг, эта богиня, держащая ее за руку, придавала ей смелости.

— Ты делаешь это потому, что любишь ее, и потому, что она выглядит холодной, не так ли?

— Да... Я бы хотела согреть тех, кого люблю. Но это могила... А значит...

У лежащего под ней человека нет рта. Скорее всего, нет и души.

На ее лице по-прежнему читалось смятение, и это, видимо, было слишком сильно для Назуны.

— Я просто хочу сделать для нее то, что она сделала для меня! — огрызнулась она. Казалось, ее разочарование было направлено на весь мир.

— Но... ты же не знаешь, действительно ли она холодная...

Сакура понимала, почему Назуна расстроена, но не могла с этим смириться. И Назуна это понимала.

— Ей холодно! И даже если это не так... разве я не могу сделать это в любом случае?

— Нет, я имею в виду...

Разве это плохо - заботиться о том, кого уже нет?

— Вот почему я ненавижу взрослых! Ты хочешь сказать, что это странно!

Кто бы мог сказать, что это не так?

Назуна ненавидела все "правильное" и "нормальное", что могло противоречить ее чувствам, ее поступкам, ее тоске.

— Папа тоже так говорит. Если ты знаешь, что она мертва, то зачем ты это делаешь? Как будто ему уже все равно. И я знаю, как это должно быть, но...

Слезы навернулись ей на глаза, и она сглотнула, пытаясь удержать их от падения. Она вытерла лицо руками в перчатках, но они продолжали возвращаться.

— Я знаю это. Я не глупая. Я не дура!

Перчатки, скорее всего, были подарены ей родителями, и слезы, смочившие их, тоже были от имени родителей. Вытереть их было некому. А тот, кто мог бы, давно ушел.

— Но я вижу гору из своего дома. — Она умоляла этих незнакомцев в надежде, что кто-то, хоть кто-то, сможет понять, что она переживает. — Мой дом... находится близко к горе. Почему они построили его в таком месте?

Скорее всего, это было не в первый раз.

Сакура наконец-то начала смириться с этой необычной ситуацией.

— Когда я просыпаюсь каждое утро и открываю шторы... я вижу, где моя мама.

Сегодня она тоже пробралась сюда.

— Я вижу гору Рюгу каждый день. Что бы я ни делала.

Она пришла на гору, чтобы увидеть человека, которого больше никогда не сможет встретить.

— Я знаю, что это глупо, но я вижу гору... Я вижу кладбище...

Много раз Назуна спрашивала себя, значат ли ее поступки хоть что-то, но не могла остановиться. Другие могли бы, но не она.

— Летом здесь было хорошо. Цветы были красивыми, и она не казалась такой одинокой.

Она расчищала снег, копая и копая - пустым умом, осторожными движениями и всей душой.

— Осенью было хорошо. Опавшие листья устилали постель.

Дело было не в том, что она не смирилась со смертью матери. Она знала, что лежит под землей.

— Но зима...

Она знала, что ее матери больше нет.

— Зимой она выглядит такой холодной.

Но она не могла остановиться.

— Она выглядит такой одинокой среди всего этого белого.

Она никогда не могла остановиться.

— И я вижу это все время. Я ничего не могу с этим поделать. Когда я иду в школу, когда возвращаюсь домой, когда встречаю папу у дверей - каждый раз. Каждый раз.

Потому что внутри нее все еще жила ее мама.

— Моя мама здесь, в горах. Это не странно.

Она жила. Она была там. Дело было не в логике. Неважно, что говорили другие. Для Назуны она была здесь. И никто не мог этого изменить.

Но неужели ты позволишь этому измотать тебя, пока сама не останешься одна?

Сакура проглотила собственные слова. Она не могла этого сказать.

— ...

Она не могла этого сказать. Как она могла? Когда-то она сама была виновата в том же. Она не имела права.

— Я никогда не прекращала поиски, даже когда мне говорили, чтобы я бросила это занятие.

Сакура тоже пережила потерю. Высмеивать Назуну - значит высмеивать ее прошлое.

Это как болезнь. Ты не можешь остановить себя.

Горевать - значит любить. Многие люди действовали похожим образом, но не все одинаково. Хотя Сакуре это казалось странным, очистка снега с могилы матери была способом Назуны скорбеть. И никто не вправе критиковать ее методы. В конце концов, это была война, которая происходила только внутри самого скорбящего.

Назуна всегда смотрела на гору, пока была дома. И днем, и ночью гора напоминала ей, что ее мать там, совсем одна, холодная и одинокая. И она шла убирать снег с ее могилы.

Сакура не смогла больше ничего сказать, представив себе душевную боль Назуны.

Вместо нее заговорила ее госпожа.

— Хинагику... понимает, Назу... ну. Ты просто... хочешь... сделать это... для своей... мамы, верно?

— Да.

— Ты думаешь... она... будет... рада, да?

— Да...

— Даже если она... похоронена... она бы предпочла... не быть... холодной.

— Предпочла бы!

Сакура молчала, а Назуна смотрела на нее, молча спрашивая, что она думает.

— Сакура, — позвала Хинагику сзади.

— Леди Хинагику...

Хинагику сняла с себя плащ и шарф.

Сакура понятия не имела, какая сейчас температура, но знала, что достаточно холодно, чтобы иметь большое значение.

— Хинагику считает... что люди... по-разному... скорбят... так что...

<http://tl.rulate.ru/book/100805/3655995>